

ПИСЬМА ЖАНА РИШПЕНА К М. А. ЗАГУЛЯЕВУ

Сообщение Т. Г р и ц а

В 1876 г. в Париже вышла книга стихов «La Chanson des gueux».

Автор ее, Жан Ришпен, до этого был почти неизвестен. Родился он 4 февраля 1849 г. в Медее (Алжир). Сын военного врача, он, закончив школу, поступил в 1868 г. в Ecole Normale, чтобы через два года вместе с корпусом вольных стрелков следовать за армией генерала Бурбаки, дравшейся против немцев.

В 1871 г. он сотрудничал в «Vérité» и в «Corsaire», а в 1873 г. дебютировал в театре «Tour d'Auvergne», как актер и как автор, в пьесе «L'Etoile», сотрудничая с Андре Жиллем.

Однако, этот дебют не принес ему славы. Он был известен лишь в кабаках Латинского квартала, где в кругу таких представителей богемы, как Поншон, Сапен, Роллина и Бурже, страстно защищал независимые социальные теории, эпатировал буржуа различными эксцентрическими выходками, объясняя их буйностью «туранской крови», которая, будто бы, текла в его жилах.

Лишь в 1876 г., после выхода «La Chanson des gueux», его имя стало известным всему литературному Парижу.

Давая в этих песнях острую сатиру на традиционные религиозные и социальные идеалы, осмеивая «сладкие и прекрасные иллюзии» («douces et belles illusions») мещанства, он воспевал рабочих, ночующих под мостами Сены, нищих, задыхающихся от кашля в осеннем тумане, представителей социального дна.

В своих песнях он вдохновлялся «грубой поэзией этих дерзких авантюристов, этих бунтующих детей, для которых общество было почти всегда мачехой и которые, не находя молока в сосцах дурной кормилицы, кусают самую грудь, чтобы утолить свой голод...».

Бурлескный стиль, «низкая» тематика, атеистические и бунтарские идеи «La Chanson des gueux» создали этой книге шумный успех среди передовой молодежи и в радикальных литературных кругах, но произвели впечатление скандала в кругах буржуазных, которое усиливалось написанной ранее (в 1872 г.) брошюрой Ришпена о Жюле Валлесе и Коммуне: «Etapas d'un réfractaire».

Филистерская цензура Третьей республики возмутилась.

24 мая 1876 г., по доносу газеты «Charivari», книга была конфискована, а 15 июля исправительный трибунал полиции Сенского округа приговорил Ришпена к месяцу тюрьмы и к 500 франкам штрафа «за оскорбление общественной морали и добрых нравов»¹.

Некий Лагранж успел приобрести книгу и послал ее своему другу, М. А. Загуляеву, в Петербург, вместе с письмом, в котором он сообщал о печальной судьбе, постигшей эту книгу.

Михаил Андреевич Загуляев (1834—1900), ныне совершенно забытый, был журналистом, сотрудником «Сына Отечества», «Отечественных Записок», «Indépendance Belge», «Journal de St.-Pétersbourg», «Голоса» и «Нового Времени». Он написал ряд статей о деятелях Французской революции «Эксцентрики революционной идеи», неопубликованную до сих пор монографию «Максимилиан Робеспьер»² и, создавший ему в свое время широкую известность, робеспьеристский роман, печатавшийся в 1883 г. в «Вестнике Европы» под заглавием «Странная история», который вышел отдельной книгой в 1884 г. под заглавием «Русский якобинец».

Страстный франкофил и сторонник буржуазно-демократического строя, Загуляев в своей публицистической деятельности щеголял фрондерскими выпадами.

Максимилиана Робеспьера он называл «самым великим из созидателей пореволюционного здания, недостроенного еще вполне и поныне, но поставленного им и его сподвижниками на столь прочное основание, что целые полвека реакции не в состоянии были поколебать его стен».

В своей неоконченной статье «Сен-Жюст в Страсбурге», проводя аналогии между событиями 1793 г. и франко-прусской войной 1870 г., Загуляев делал недвусмысленный намек: «Кто знает? Может быть, упорство, с которым Пруссия продолжает войну против повергнутой во прах Франции, вызовет снова на политическую сцену смелых и самоотверженных людей, которые, подобно Сен-Жюсту, сумеют вдохнуть дух бодрости и доблестного самоотвержения в деморализованные изменой и дурным управлением французские войска и т р е т ь е немецкое вторжение во Францию окончится, подобно п е р в о м у, изгнанием немцев с французской земли...»³.

Не следует, однако, переоценивать революционное значение подобных выпадов. Целиком принимая буржуазно-демократические стороны Французской революции, Загуляев в то же время подвергал резкой критике атеистическую и интернационалистическую деятельность Анахарсиса Клототса и гебертистов. Робеспьера Загуляев превозносит, прежде всего, как «демократа-националиста», который «вовсе не мечтал о всемирной миссии освобождения народов, будто бы выпавшей на долю Франции». Политическая программа Загуляева, в конечном счете, сводилась к ограниченному буржуазному парламентаризму. Пределом его свободолюбивых мечтаний было установление в России буржуазных демократических свобод по образцу французских.

Однако, этих взглядов, и в особенности франкофильской агитации Загуляева в период франко-прусской войны, было достаточно для того, чтобы он подвергся репрессиям.

16 января 1871 г. Маркс писал Кугельману: «Одной Германии оказалось... слишком мало для всеобъемлющей любви Бисмарка к свободе выражения мнений... Ему удалось даже открыть под Санкт-Петербургским меридианом чересчур свободную прессу. По его униженной просьбе, редакторы важнейших петербургских газет были призваны к обер-цензору, который предписал им воздерживаться от каких бы то ни было критических заметок о верном вассале русского царя. Один из редакторов, г. Загуляев, был настолько неосторожен, что раскрыл тайну этого предостережения на страницах «Голоса». Русская полиция сейчас же набросилась на него и выслала его в какую-то отдаленную губернию»⁴.

До сих пор к этому письму не было комментариев, которых оно, несомненно, требует. Мне впервые удалось выяснить причины ареста Загуляева.

КАРИКАТУРА НА М. А. ЗАГУЛЯЕВА

Журнал „Шут“, 1900 г., № 8

Маркс был осведомлен не совсем точно. Упоминаемая им статья была напечатана не в «Голосе», а в брюссельской газете «Indépendance Belge», в № от 14 ноября (1870 г.) по новому стилю. Загуляев же был обыскан 19 ноября по старому стилю.

В этой корреспонденции, сообщая, что русское общественное мнение на стороне осажденного немцами Парижа, Загуляев писал: «За последнее время поведение русской независимой прессы повлекло за собой несчастье, заметно раздражив немецкий кабинет... Пожаловались на то, что газеты нападают на Пруссию со слишком большой запальчивостью. В ответе указывалось, что в вопросах иностранной политики русская пресса пользуется полной независимостью, и это приводит к той или иной линии поведения. Это было бы прекрасно, если бы, к несчастью, неуместное рвение некоторых высоких должностных лиц чуть не уничтожило полностью ценность этого достойного ответа. Министр внутренних дел, генерал Тимашев, счел необходимым сделать некоторые замечания директору департамента печати г. Похвисневу и потребовал от него официальных предостережений редакторам анти-пруссских газет. Г-н Похвиснев от этого отказался и подал в отставку, которая была принята. Он был заменен генералом Шидловским, бывшим тульским губернатором и большим другом Пруссии. Наша немецкая пресса объявила с тех пор, что «обломает рога русской франкофильской прессе» (текстуально). А пока наши газеты продолжают писать то, что они думают о войне и о германских требованиях»⁵.

Если принять во внимание строго конфиденциальный характер обращения Тимашева к редакторам петербургских газет и его категорический тон,

то станет ясным, что статья Загуляева была достаточным поводом для административных репрессий.

Однако, это было лишь одной из причин для высылки Загуляева. Его политическая виновность усугублялась еще двумя корреспонденциями в «*Indépendance Belge*».

В первой из них Загуляев сообщал, что государственный канцлер, князь Горчаков, подготовил циркулярную депешу, в которой статьи Парижского трактата (от 18/30 марта 1855 г.) о нейтрализации Черного моря объявлены необязательными более для России. Корреспонденция эта была напечатана лишь после официальной публикации ноты Горчакова. Редакцией сделано к этому примечание о том, что петербургский корреспондент (т. е. Загуляев) предупреждал о ноте Горчакова за шесть недель до ее опубликования. «Хотя этот факт был абсолютно достоверным, но новость была столь серьезной и настолько противоречила сообщениям, исходившим из источника, которому мы должны были доверять, как абсолютно надежному, что мы считали необходимым произвести определенную проверку... За отсутствием подтверждений мы сочли необходимым воздержаться от этой публикации. События показали, что мы, к несчастью, ошибались...»⁶.

В этом же номере «*Indépendance Belge*» была напечатана статья Загуляева, в которой он писал: «В самом близком будущем надо ожидать появления в Дарданеллах внушительной русской эскадры, состоящей из бронированных судов, купленных в Соединенных Штатах и оплаченных за счет тех сумм, которые вашингтонское правительство должно нам за наши владения в Северной Америке...»⁷.

Корреспонденции эти вызвали ярость не только департамента по делам печати и III отделения, но, по словам Загуляева, и самого Александра II⁸.

В ноябре 1870 г. Загуляев, обвиненный: «1, в сообщении иностранной прессе совершенно ложных сведений о различных правительственных распоряжениях и мероприятиях; 2, в том, что в корреспонденциях его нередко помещались такого рода известия, которые, по свойству своему, не подлежали оглашению, и 3, что извращение Загуляевым в последнее время сведений внешней политики нашего правительства может служить поводом к распространению в иностранных газетах неблагоприятных для России толкований»⁹,—был арестован и выслан в Петрозаводск под строгий надзор полиции. Ссылка эта продлилась недолго. Уже в январе 1871 г. Загуляев возвратился в Петербург, предварительно дав подписку, в которой отказывался сотрудничать в иностранной прессе и иметь с ней даже косвенные сношения.

Отказавшись от сотрудничества в иностранной прессе (III отделение имело в виду, главным образом, либеральную бельгийскую газету «*Indépendance Belge*»), Загуляев продолжал писать в «Голосе» и «*Journal de St.-Petersbourg*» обзоры иностранной политики и французской литературы.

Получив от Лагранжа письмо и «*La Chanson des gueux*», Загуляев не замедлил откликнуться статьей, в которой горячо защищал Ришпена.

Загуляев писал, что уничтоженная по приговору суда за «оскорбление нравственности» книга Ришпена «*La Chanson des gueux*»—«самое крупное явление французской литературы за последние годы».

Отметая несправедливые моралистические нападки и отдавая должное новаторской технике Ришпена, Загуляев очень точно определял ее литературную генеалогию.

«Г-н Ришпен,—писал Загуляев,—принадлежит к той эстетической школе, которая признает законным и целесообразным не церемониться в известных случаях в выражениях и называть вещи настоящим их именем, ссылаясь на примеры Шекспира, Гёте (в «Фаусте»), Шиллера (в «Лагере Валленштейна»), Рабле, Виктора Гюго, Альфреда де Мюссе и знаменитой «плеяды» французских поэтов «доронсаровской эпохи». В этом отношении он романтик школы, основанной во Франции Виктором Гюго и Бальзаком и считавшей в своих рядах несколько замечательных эксцентриков, вроде Петрюса Бореля, Жегана дю Сеньер, Тилоте О'Недди и пр.; но сильно напоминая поэтическим приемом этих романтиков, он стоит неизмеримо выше их искренностью своего поэтического вдохновения и глубокою гуманностью своих взглядов на страждущую и обездоленную часть человеческого общества, на этих «оборванцев», которым посвящена исключительно книга молодого поэта.

Г-н Ришпен владеет стихом в совершенстве. Для него нет трудностей, которых он не мог бы преодолеть. Подобно Виктору Гюго и Альфреду де Мюссе, он властно распоряжается антипоэтичным французским языком и доходит в этом отношении до поразительной виртуозности, но никогда не позволяет себе, подобно своим знаменитым предшественникам, злоупотреблять этою виртуозностью и жертвовать содержанием замысловатой форме. Он отнюдь не подражатель Гюго и Мюссе, а только, подобно им, проникнут убеждением, что для новой французской поэзии необходимо искать образцов за пределами псевдоклассической эпохи, возвращаясь к временам Аллена Шартье, Вильона, Клемана Маро и прочих предшественников Ронсара. Этим объясняется отчасти и рискованная «реальность» некоторых его выражений... Неужели современная Франция так богата талантливыми поэтами, что ее судьям можно безнаказанно губить в самом начале карьеру замечательного писателя уничтожением первой его книги и наложением незаслуженного клейма на его доброе имя?»¹⁰.

Статью эту с припиской Загуляев отправил Ришпену, возможно, через того же Лагранжа.

Ришпен ответил следующим письмом:

Перевод:

Париж, 9 ноября [18]76 г.

Милостивый государь,

Я чрезвычайно благодарен вам за удовольствие, доставленное мне вашим письмом. Я ничего не говорю о статье, перевод которой я получу лишь через несколько дней. Заранее уверен, что она будет целебным бальзамом к свежей ране, нанесенной мне смехотворным правосудием моей родины. Вчера в апелляционном суде, несмотря на защиту г. Русса, бывшего старшины адвокатского сословия, бедная «Песнь босяков» была опять осуждена. Назвав ее сначала «сплетением гнусностей» (каков французский язык!), они решили изъять и сжечь ее. И вот мое произведение окончательно запрещено во Франции! Я принужден печатать его в Бельгии, поневоле попадая в разряд мучеников. Меня утешает мысль, что иностранцы мне воздают должное и что за пределами моей родины имеются люди, подобные вам. Через неделю я рассчитываю выпустить новый сборник, на сей раз в прозе,—это книга новелл под названием «Странные смерти». Я доставлю себе удовольствие и одновременно сочту своим приятным долгом прислать ее вам, М. Г., и надеюсь, что она еще больше укрепит дружеские

связи, которые отныне установились между нами. Я буду счастлив поддерживать, благодаря вам, сношения со страной, которую люблю и которую вы хотите познакомить со мной. Я рассчитываю, благодаря вам, приобрести дружбу ваших соотечественников. В случае, если вы пожелаете, М. Г., продолжать переписку со мной, сообщаю вам, что я должен скоро покинуть Париж. Я поселюсь в Гернси, чтобы работать на досуге. Вот мой адрес: Г-н Жан Ришпен. Буэн-Ретино, ул. Брей. Порт св. Петра, Гернси, Английские острова. Я заранее радуюсь мысли, что буду получать иногда известие от вас. Впрочем, М. Г., я надеюсь на большее. Уже давно намерен я познакомиться с русской жизнью, которая меня чрезвычайно интересует. Полагаю, что не пройдет и года, как я сумею привести в исполнение этот план. Я буду иметь тогда удовольствие лично выразить вам свою благодарность и завязать с вами более тесные отношения.

Примите, М. Г., самые искренние уверения в моих наилучших чувствах и в моей живейшей к вам симпатии.

Жан Ришпен

Сведениями, почерпнутыми из этого письма, Загуляев не замедлил поделиться с читателями.

Делая обзор французской литературы, он писал, что «единственной новостью, заслуживающей упоминания, оказывается приговор апелляционного суда департамента Сены, подтвердивший вполне нелепый приговор суда исправительной полиции, приговоривший к уничтожению книгу г. Жана Ришпена «La Chanson des gueux», с которой мы познакомили читателей несколько недель назад. В мотивах этого курьезного приговора книга г. Ришпена названа «un tissu d'immondices», что совершенно не по-французски, но зато очень сильно. Автор «La Chanson des gueux» пришел в такое негодование, что решил оставить Францию и поселиться на острове Гернси, а дальнейшие свои произведения издавать в Бельгии. Как подумаешь, что это происходит в стране, где совершенно безнаказанно и беспрепятственно расходятся произведения гг. Арсена Уссе и Адольфа Бело»¹¹.

Переписка Ришпена с Загуляевым оборвалась почти на два года.

Загуляев был одним из первых, признавших большое социальное и литературное значение «Chanson des gueux».

Выступление Загуляева, по тому времени, было очень смелым: Ришпен был известен только в узких богемных кругах французской литературы.

Даже такой писатель, как Эмиль Золя, сам выдержавший достаточное количество нападок по поводу «грубостей» и натуралистических резкостей, уже два года спустя после выхода книги Ришпена принимал ее с существенными оговорками:

«Ришпен высказался в ней, как отчаянный реалист, не отступающий перед резкими словами и называющий безобразные вещи их именем. Некоторые стихотворения даже написаны целиком на «argot»... Слишком ясно, что грубые детали у Ришпена не вытекают из сущности дела, что он их втискивает ради эффекта... Ришпен, выдающий себя за реалиста, представляется мне скорее романтиком. Его «gueux» принадлежит скорее Калло, нежели современной жизни. Вообще его стихи носят почти чисто лирический характер. В сущности, подражание Бодлеру весьма заметно. Ришпен отличается от Бодлера только в том отношении, что он не такой пурист и позволяет себе все. С другой стороны, он шумнее, боязливее

25 oct - 78

Monsieur,

L'occasion de rendre en correspondance avec vous n'est trop belle pour que je la laisse échapper, et je lui réponds à la fois, en satisfaisant au désir de votre ami M. de Gramont, vous rendra un peu de plaisir que m'a causé votre bel article sur mon livre. Voici donc la pièce de vers à George Sand. Que ne puis-je la lui enlever? Si Peterburg, tout ce que vous me dites me fait qu'augmenter mon envie d'y aller. Mais je crains bien que cette fois je ne sois jamais allé. Je me suis le moment fort occupé à corriger le dernier journal d'un roman qui va paraître sous peu, Madame Hadra. Puis la Russie est bien loin, et l'argent est rare dans les poches des hommes de lettres français. Voilà un tas de raisons en une seule, pour que mon voyage aille longtemps à l'état de non-être. Et dire qu'on m'aime là-bas! Comment Hadra peut-elle plus amplement connaître si j'aime avec ces lettres continuelles si

gracieux pour moi? My amico - il fa qualche corrispondenza letteraria mandando per un giornale una Rima? Pourrait-on compter sur quelque succès avec de dictes publiques, de conférences? Je vous demande pardon, monsieur, de vous faire toute ce question en vous priant d'excuser bien y répondre. Mais c'est votre faute si je vous importune ainsi. N'est-ce pas vous qui avez été mon introducteur auprès de cette société avec laquelle je voudrais me créer des relations? Je compte que vous s'abandonnera par votre œuvre en si bon chemin, et j'attends une réponse favorable. En tout cas, j'aurai du moins fait mon possible pour entretenir cette popularité avec vous en affaires et qui me flatte si

l'ingratitude. Je vous remercie de tout ce que vous avez fait pour la faire naître et de tout ce que vous m'avez bien fait encore.

Aguez, monsieur, la cordiale témoignage de mon meilleur sympathie,

Jean Richepin

M. Jean Richepin
Cher le docteur Richepin
à La Fère
Chère

и хвастливее. Повторяю: мне бы хотелось, чтобы у него было больше заботы о правде. Впрочем, я, тем не менее, признаю, что у Ришпена большой талант»¹².

В 1878 г. имя Ришпена становится довольно известным в России. Анна Барыкова переводит «Перелетных птиц»¹³ и «Лунатиков»¹⁴. В «Вестнике Европы», кроме цитированной статьи Золя, печатаются переведенные С. Андреевским стихотворения «Вопль»¹⁵, «Девочка с кашлем», «Идиллия бедных», «Печаль животных» и «Эпитафия для кого угодно»¹⁶.

Анализируя попытку Андреевского перевести произведения современных французских поэтов, Загуляев писал: «Попытка эта была отнюдь не легкой, так как Андреевский не довольствовался переводом произведений, правильных по своей форме, но смело взялся за труды значительно более фантастические и индивидуальные. Он даже не остановился перед «Песнью убогих» Жана Ришпена. Это странная книга, в которой молодой французский поэт растрчивает бесспорный талант на описания такие грубые и такие реалистические, перед которыми реализм («Западни» Золя кажется мягким и безобидным. Три отрывка стихов, взятых из этой книги, — «Девочка с кашлем», «Идиллия бедных», «Печаль животных» — замечательно переведены Андреевским. Особенно трудно было перевести на русский язык первый из этих отрывков таким образом, чтобы сохранить его мрачную силу. Андреевский вышел действительно победителем из этой трудности. Его перевод производит впечатление идентичное тому, которое получаешь при чтении оригинала. В последнем Жан Ришпен изображает бедного туберкулезного ребенка, страдающего лихорадкой и охваченного припадком смертельного кашля на тротуаре улицы в холодный и мрачный зимний день. Он старается воспроизвести отрывистый ритм и суровую силу таких стихов, как, например:

Tousse! toussel un dernier coup!
Elle laisse sur son cou
Choir sa tête,
Tel sous la bise un flambeau
Et pour la paix du tombeau
Elle est prête.
Elle épousera ce soir,
Sans bouquet, sans encensoir,
Sans musiques,
Plus tôt qu'on n'aurait pensé
L'Hiver, ce vieux fiancé
Des phthisiques...

Андреевскому вполне удался этот перевод, и его успех в этом достаточно трудном деле говорит о степени его таланта переводчика»¹⁷.

Рецензию эту, вместе с сообщением о популярности «Chanson des gueux» в России, Загуляев отправил Ришпену и в октябре получил от него ответное письмо:

Перевод:

25 окт[ября] [18]78 г.

Милостивый государь,

Не могу упустить такого прекрасного случая, чтобы не вступить с вами в столь приятную мне переписку. Отвечая на пожелания вашего друга, г. Лагранжа, я рад уделить вам немного той радости, которую мне доставила ваша прекрасная статья о моей книге. Вот вам стихи к Жорж

Санд. Как бы хотелось последовать за ними в Санкт-Петербург. Все, что вы мне о нем рассказываете, только усиливает мое желание поехать туда. Боюсь только, что никогда не сумею осуществить свое намерение. Я сейчас поглощен корректурой своего романа «Госпожа Андре», который скоро должен выйти в свет. К тому же Россия далека, а деньги—весьма редкий гость в кармане французских литераторов. Вот, в общем, основная причина, из-за которой мое желание совершить это путешествие останется еще надолго бесплодным. И подумать только, что меня там любят! Чорт возьми, как бы мне поближе познакомиться с этими далекими читателями, столь милостивыми ко мне? Не найдется ли у вас свободного места литературного корреспондента в какой-нибудь газете или журнале? Можно ли было бы рассчитывать на успех моих публичных чтений или лекций? Простите, М. Г., за все эти вопросы и за просьбу ответить на них. Но вы сами виноваты в том, что я вам так надоедаю, ибо разве не вы меня ввели в это русское общество, с которым я хотел бы завязать более тесные сношения. Я надеюсь, что вы не оставите столь хорошо начатого дела и что ответ ваш будет благоприятным. Во всяком случае, я, со своей стороны, сделаю все от меня зависящее, чтобы не дать погибнуть популярности, в существовании которой вы меня уверяете и которая мне чрезвычайно лестна. Благодарю вас за все, что вы сделали для ее возникновения, и за все, что впредь еще сделаете.

Примите, М. Г., сердечное уверение в моей глубокой к вам симпатии.

Жан Ришпен

Г-ну Жану Ришпену, у доктора Ришпена. A La Fère. Aisne.

Ришпен, очевидно, из вежливости, называет вышеприведенную заметку о переводах Андреевского «прекрасной статьей о моей книге». Во всяком случае, ни в одном из периодических изданий, в которых сотрудничал Загуляев, статьи о Ришпене в 1878 г. не было напечатано.

На этом переписка оборвалась.

Неопубликованные до сих пор ответные письма Загуляева хранятся в архиве Ришпена во Франции¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впоследствии Ришпен снабдил «Chanson des gueux» словарем аргю и предисловием, в котором, зло издеваясь над осудившим его правосудием, заявлял, что «вещи, названные своим именем, хорошая простота стиля, простонародная грубость определенных слов еще никогда никого не развращали». «Моя поэзия,—писал Ришпен,—это храбрая и веселая девушка, которая говорит грубо, я это признаю, даже кричит, она растрепана, слегка пьяна, у нее яркий цвет лица, она дышит полной грудью, она смело пачкает свои юбки и ноги в черной липкой грязи предместий или в горячем зное деревенского навоза; подчас она ругается, иногда икает, поет песенки на аргю и веселится веселостью женщин из народа. И все это—для удовольствия петь, смеяться, жить без задней развратной мысли, не как распутница, которая слегка обнажает себя, прежде чем отдаться желаниям какого-либо старика или мальчишки, но как здоровое прекрасное создание, которое не боится показать солнцу свои груди, наполненные силой, и свой величественный живот, где уже блистает гордость будущего материнства. Клянусь целомудренной наготой, торжеством природы, что это не аморально! А если аморально, то да здравствует аморальность! Да здравствует эта здоровая и прекрасная аморальность, которую я имею честь культивировать вслед за столькими гениями, перед которыми склоняется человечество, вслед за всеми древними авторами, вслед за всеми старыми французскими мастерами, вслед за самим царем Соломоном, очаровательная Песнь песней которого стоила бы ему сейчас осуждения при закрытых дверях. Я амо-

рален и останусь аморальным, найдя слишком благородное общество, чтобы искать лучшего. На зло всем критикам и судилищам мира, я никогда не смогу понять, чем откровенность и искренность оскорбляют добрые нравы. Я скорее готов продолжать оскорблять их, нежели прятать свои фразы, как проститутка в кружевном пеньюаре, и я решительно отказываюсь от уважения честных людей, если для этого нужно уметь окунать свои пальцы в различные лохани, как будто бы там святая вода» («La Chanson des gueux». Nouvelle édition, P., 1909, p. XII—XIII).

² «Максимилиан Робеспьер. Опыт исторической монографии». Архив М. А. Загуляева.—ИЛИ, 13.778, LXXIVб. 13.

³ «Сен-Жюст в Страсбурге. Эпизод из истории первого немецкого вторжения во Францию (1793—1794)». Архив М. А. Загуляева.—ИЛИ, 13.784, LXXIVб. 14.

⁴ Письма Маркса к Кугельману.—Гиз, М.—Л., 1928, стр. 97.

⁵ «Nouvelles de Russie».—«Indépendance Belge», Bruxelles, 14 novembre 1870.

⁶ «Indépendance Belge», Bruxelles, 21 novembre 1870, № 325.

⁷ О дружеских взаимоотношениях России и Америки см. также корреспонденцию Загуляева в № 336 «Indépendance Belge», от 2 декабря 1870 г. (перепечатана в «Биржевых Ведомостях», 1870, № 410).

⁸ Штакеншнейдер Е. А., Дневники и записки, изд. «Academia», М., 1934, стр. 414.

⁹ Архив революции и внешней политики, фонд III отделения, Дело № 115, лл. 51 и 51 об.

¹⁰ [М. А. Загуляев], По белу свету.—«Голос», 10 сентября 1876 г. № 250, стр. 1—2.

¹¹ См. «Голос», 1876, № 306, стр. 2.

¹² Золя (Эмиль), Парижские письма. XXXVIII. Наши современные поэты.—«Вестник Европы», 1878, № 2, стр. 890.

¹³ «Отечественные Записки», 1878, № 2, стр. 890.

¹⁴ «Слово», 1878, № 8, стр. 42—44.

¹⁵ Андреевский С., Из современных поэтов Франции.—«Вестник Европы», 1878, № 4, стр. 698.

¹⁶ Андреевский С., Из современных поэтов Франции. Из «Песни убогих» Жана Ришпена.—«Вестник Европы», 1878, № 6, стр. 611—615.

¹⁷ L. V. [М. А. Загуляев], «Les revues russes».—«Journal de St.-Petersbourg», 1878, № 153, p. 2.

¹⁸ Письма Ришпена к М. А. Загуляеву хранятся в Рукописном отделении Института литературы Академии наук СССР, Ленинград.